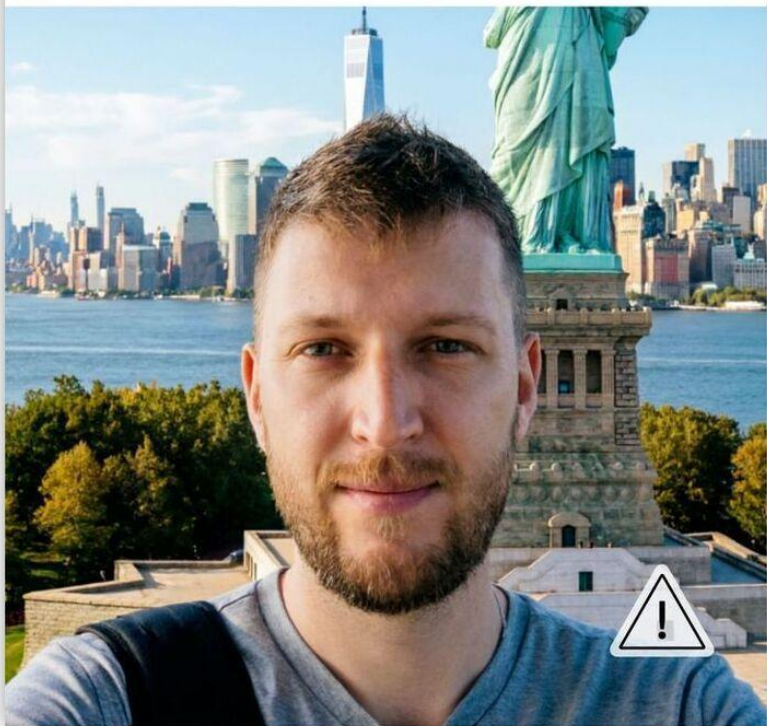

18+

Леонид Греков

Лёня в Америке

Основано на реальных событиях

Леонид Греков

Лёня в Америке. Основано на реальных событиях

<https://litres.ru/74428573>

ISBN 9785007114868

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Московский рекламщик после развода и срыва оказывается в Нью-Йорке с туристической визой и рюкзаком за спиной. От стройки и оранжевого дивана в Куинсе — через Гарлем, китайский квартал — к работе в IT и новой семье из эмигрантов. Но виза истекает, дети ждут в Москве, и приходится выбирать: остаться призраком или вернуться человеком. История о том, как Америка учит падать и вставать.

Содержание

Глава первая. Решение	5
Глава вторая. Перелёт через Атлантику	9
Глава третья. Столица мира	14
Глава четвёртая. Якорь	19
Глава пятая. Первая работа в США	25
Глава шестая. Денис из Горловки	33
Глава седьмая. Богдан	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лёня в Америке Основано на реальных событиях

Леонид Греков

© Леонид Греков, 2026

ISBN 978-5-0071-1486-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Решение

Развод ощущается не как одиночный удар, а как долгое, тихое течение, которое вымывает из тебя всё — уверенность, смыслы, привычную жизнь. Семь лет. Семь лет, словно кирпич за кирпичом, мы строили что-то своё, и вот — рухнуло. Двое мальчишек: семилетний, уже начинающий понимать, когда в доме тяжело, и трёхлетний, ещё слишком маленький, чтобы осознать, почему папа больше не спит дома. А я? Я чувствовал себя предателем. Совесть грызла нещадно, по ночам превращаясь в хищника, который не давал ни минуты покоя.

Я съехал. Нашел крошечную квартиру на окраине, где стены были такими тонкими, что слышалось дыхание соседей. Там, в этом захолустном гнездышке, одиночество обретало физическую форму. Оно садилось за стол, ложилось на подушку рядом, шло за мной в ванную. Иногда мне казалось, что я схожу с ума — медленно, незаметно, по капле. Началось всё безобидно: по вечерам по пиву, чтобы хоть как-то отключить мозг, перестать прокручивать одни и те же кадры — как я ухожу, как мальчишки машут руками, как жена молчит, глядя сквозь меня. Потом пива стало больше. Потом появились знакомые, о которых раньше бы и не подумал заводить — ночные люди с запахом дешевого табака и бездонными историями о чужих неудачах. Маргинальный образ

жизни? Возможно. Скорее — попытка утопить в себе того человека, который не справился с семьей.

Днём я держался. Работал в рекламном агентстве — красивые офисы, кофе из автоматов, переговоры, дедлайны. Там, среди презентаций и брифов, я мог притвориться, что всё в порядке. Улыбаться клиентам, обсуждать креатив, спорить о шрифтах. Но каждый вечер возвращался в пустую квартиру, и маска сползала. Я пытался переварить разрыв, как несварение — принимал работу внутрь, надеясь, что организм привыкнет. Не привыкал.

А потом позвонил Бесик.

Бесик Ч. — земляк, абхаз до мозга костей, с тем самым акцентом, который сразу вывозит тебя на родное побережье, на запах сосен и морской соли. Мы не виделись годами, но голос его прозвучал так отчетливо, словно он сидел рядом на балконе.

— Слушай, — сказал он, и я услышал в трубке чужой, широкий мир, — я в Штатах. Техас. Тут работы — валом. Хочешь — приезжай, помогу обустроиться. Поклейка обоев, переезды мебели — в день сто-двести баксов зарабатываешь спокойно. Легко. Народ тут всегда нужен.

Я молчал, глядя в свою пустую чашку с недопитым чаем. Сто-двести долларов. В день. В Техасе. Где-то там, за океаном, где не знают ни моего развода, ни моих провалов, ни этого проклятого одиночества в четырёх стенах.

И вдруг — озарение. Не то чтобы надежда, нет. Скорее

— вызов. Перезагрузка. Выйти из зоны комфорта, из этого болота, где я топчусь на месте и тону. Пусть это будет рывок. Пусть — безумный, отчаянный, но рывок.

Я начал действовать быстро, словно боялся, что если останюсь — страх настигнет меня и парализует. Ночами сидел за компьютером, изучал, как получить визу в США — какие документы, какие формы, что спросят на собеседовании. Потом — билеты: сколько стоят, какие авиакомпании, какие стыковки. Английский... Английский я знал когда-то давно, в школе, но за годы забыл. Теперь вспоминал по крохам — слова, фразы, произношение, — засыпая с наушниками, где дикторы бубнили что-то про weather и directions to the nearest bus stop.

Документы собирались одни за другими, словно по волшебству. Подал на визу B1/B2 — туристическую. Собеседование... Я вышел из посольства с синей печатью в паспорте, чувствуя себя человеком, которому только что подарили второе дыхание. Купил билеты — как раз на майские праздники. Символично: весна, всё расцветает, и я тоже пытаюсь.

На работе взял отпуск. Небольшой, формально — я даже не увольнялся. Сидя в кабинете директора и объясняя, что мне срочно нужно отдохнуть, я думал: а вдруг не получится? А вдруг Техас — это не моё, а Бесик преувеличил? И тут же отвечал себе: тогда вернусь. Просто вернусь, сяду за свой стол, открою ноутбук, и жизнь пойдёт по старому руслу. Но глубоко внутри я уже знал — назад пути нет. Рюкзак стоял

в прихожей, собранный наполовину, и смотрел на меня вопросом, на который я ещё не знал ответа.

Я стоял на пороге. За спиной — разбитый брак, пустая квартира, запах одиночества и стыда. Впереди — океан, чужая страна, неизвестность. И что-то ещё. Что-то, ради чего стоит рискнуть.

Глава вторая. Перелёт через Атлантику

У меня был план Б. Он лежал в электронном билете, спокойно дремлющем где-то в недрах почтового ящика — обратный перелёт, страховка, воздушный шлюз в прошлую жизнь. Если не получится — что ж, вернусь. Всё как в детской игре: если страшно, закрой глаза и представь, что ты дома, под одеялом, где тепло и знакомо.

Но между покупкой билета и взлётом растянулись недели, которые тянулись, словно жвачка в жаркий день. Я отсчитывал дни, как заключённый отмечает срок на стене — крестики в голове, каждый новый рассвет приносил меньше сна и больше трепета. Жил ожиданием, словно оно само по себе уже было новой жизнью.

Встреча с женой случилась за неделю до отлёта. Мы сидели в кафе, где раньше бывали часто — ещё когда всё было иначе, когда слово «мы» не звучало иронично. Я сообщил ей о планах, говоря быстро, словно боялся, что если замолчу — передумаю. Что полечу, поработаю, и если получится — останусь. Она слушала, крутя чашку кофе, потом подняла глаза, и в них я увидел не тоску, а какую-то отстранённую ясность.

— Родители говорят, нам нужно развестись окончательно,

— сказала она тихо. — Вдруг ты вообще не вернёшься.

Я кивнул. Почему-то не обиделся, не возмутился. Напротив — почувствовал странное облегчение, словно кто-то снял с плеч невидимый груз.

— Хорошо, — сказал я. — Если что — поженимся обратно. Чисто технический момент.

Она впервые за долгое время улыбнулась. Мы оба знали — это не юридическая формальность, это ритуал прощания. Но иногда ритуалы нужны, чтобы переступить порог, не оглядываясь.

Сборы заняли один вечер. Я не мог позволить себе много — чемодан был бы громоздким напоминанием о нерешительности. Вместо этого — рюкзак цвета хаки, выцветший от солнца и стираний, с потёртыми пряжками и запахом дорог. С ним я уже ходил по свету — в Калининград, в Нижний Новгород, ночевал у незнакомцев, которых находил через Couchsurfing. Хосты, как правило, оказывались нелюдимыми интровертами — ребятами, которым не хватало человеческого тепла, но которые сами не решались шагнуть навстречу. Я был их мостиком к миру, временным проводником в разговор, который они не могли начать сами. Теперь этот рюкзак снова лежал на кровати, готовый стать моим единственным убежищем в неизвестности.

День Икс наступил серым и дождливым. Москва прощалась со мной так, как умеет — пробками, мокрым асфальтом, запахом весенней гари где-то на окраине. Я ехал в аэро-

порт, глядя в окно такси, и мысленно прощался с каждым знакомым углом. С Третьим кольцом, где вечерами горят огни, словно жемчужная нить. С высотками на Котельнической, которые я когда-то считал самыми красивыми в мире. С парком у дома, где мальчики кормили голубей. Прощался не навсегда — так я говорил себе, — но глубоко внутри чувствовал: возвращаться буду другим, или не буду вовсе.

Перелёт начинался легко. Airbus A320 — узкие кресла, приветливые стюардессы, короткий перелёт до Хельсинки. Я сидел у иллюминатора, глядя, как под крылом растекаются облака, и пытался уловить момент, когда Европа закончится и начнётся что-то другое. В аэропорту Хельсинки всё было чистым, скандинавским, отстранённым. И везде — музыка. Та самая песня, которая когда-то взорвала чарты, а теперь звучала фоном в дьюти-фри, в коридорах, в зале ожидания: All the things she said, all the things she said... Я усмехнулся — жизнь иногда выбирает саундтреки с изрядной долей сарказма.

Пересадка. Boeing 747 — огромный, тяжёлый, словно город в небесах. Я шёл по трапу, и самолёт возвышался надо мной громадой, заставляя почувствовать себя крошечным, ничтожным. Десять часов через Атлантику. Десять часов между тем, кем я был, и тем, кем предстояло стать.

В соседнем кресле оказалась пожилая дама. Серебристые волосы, аккуратно уложенные, польский акцент. Стюардесса предложила шампанское — я взял, она взяла. Потом ещё.

И ещё. После третьего, может, четвёртого бокала языковой барьер растворился, словно его и не было. Мы говорили о всём на свете — о мировой политике, о России, о Путине, о её работе в польской школе, о моих мальчишках, о том, как меняется мир, когда смотришь на него с высоты десяти километров. Она рассказывала о внуке в Чикаго, к которому летит, я — о Техасе, о Бесике, о надежде, которую ещё не осмеливался назвать вслух. Мы смеялись над тем, как американцы произносят «водка», и спорили, важнее ли свобода или стабильность. Спорили так, словно у нас впереди не посадка, а вечность.

Ночь в самолёте — особый род времени. За иллюминатором — абсолютная чернота, в которой, если присмотреться, можно разглядеть звёзды. Я не спал. Дама тоже. Мы молчали, каждый уставившись в свою черноту, и я думал о том, что впереди — не просто другая страна. Впереди — другая гравитация, другой воздух, другие правила дыхания.

И вот — огни. Сначала редкие, как рассыпанные искры, потом всё плотнее, ярче, пока не складываются в океан мерцания. Нью-Йорк встречал рассветом, и я понял, что Атлантика позади. Десять часов, которые разделили мою жизнь на «до» и «после».

Аэропорт имени Джона Ф. Кеннеди. JFK. Три буквы, которые я произносил про себя, словно заклинание. Толпа в паспортном контроле, запах кофе из автоматов, голоса десятков языков, смешивающихся в один гудящий оркестр. Я

стоял в очереди, сжимая в руке паспорт с голубой визой, и чувствовал, как что-то внутри переворачивается. Не страх. Не радость. Что-то третье — трепет нового начала.

Когда я наконец вышел из терминала, Нью-Йорк встретил меня влажным ветром и запахом выхлопных газов, смешанных с чем-то неуловимо сладким — надеждой, возможно, или просто иллюзией свободы. Я вдохнул полной грудью, и этот вдох был другим. Не московским, не хельсинкским. Американским.

Я стоял на пороге новой истории, не зная, чем она кончится. Но зная точно — началась.

Глава третья. Столица мира

Нью-Йорк не встречает — он поглощает. Выныриваешь из терминала, и тебя сразу же засасывает этот гигантский круговорот людей, голосов, шарканья чемоданов по плитке. Я стоял с рюкзаком за спиной, как кораблекрушение на незнакомом берегу, и впервые за долгое время почувствовал себя невидимкой. В Москве я знал каждую трещинку на асфальте у своего подъезда, каждое лицо в соседнем окне. Здесь же я был пустым местом в человеческом муравейнике, где никто не знал моего имени, моей истории, моего развода. И это было одновременно страшно и освобождающее.

Но одиночество в чужой стране — роскошь, которую я пока не мог себе позволить. Заблаговременно, ещё из Москвы, я написал нескольким хостам через Couchsurfing — тем же способом, что и в своих российских путешествиях. Надеюсь, что кто-то откликнется, даст кров на пару ночей, пока я не найду работу и не сниму хоть какой-то угол.

Сначала, однако, случилось чудо, которого я не ожидал. Мама, узнав о моём перелёте, дала номер своих знакомых — семьи Козловых, Владимира и Жанны. Эмигранты, музыканты, давно обосновавшиеся в Нью-Йорке. Жили на дотациях и пенсии, привыкли к американской жизни так же, как я привык к московской слякоти. Владимир встретил меня в аэропорту на своей машине — стареньком, но чистом седа-

не, который пах табаком и пластилином, — и повез через город, растянувшийся, словно на ладони. Бруклин. Мосты. Ряды домов, похожих друг на друга, как солдаты в строю. Я смотрел в окно и терялся в догадках: как вообще можно здесь ориентироваться? Это был не город — это была вселенная, где каждый квартал — отдельная планета.

У Козловых я провел одну ночь. Жанна накормила меня супом, который пахнул точно так же, как у моей бабушки в Сухуме, и это невольно вызвало комок в горле. Они спрашивали о Москве, о детях, о том, почему я решился на такой шаг. Я отвечал уклончиво, стыдясь своей неуверенности. А они кивали, понимая, словно сами когда-то стояли на этом же пороге — между старым домом и новым миром, не зная, кто из них обманщик. Утром Владимир подвёз меня к метро, дал несколько советов, как не заблудиться, и мы расстались. Я поблагодарил их искренне, от всего сердца — за тепло, за человечность, за то, что первое лицо Америки оказалось знакомым.

Мой настоящий хост ждал меня в самом сердце Манхэттена.

Она была афроамериканкой, снимала квартиру на Сорок Второй — на той самой улице, о которой я слышал в песнях и видел в фильмах. Звезды Голливуда шагают здесь по красным коврам, а я тащил за собой потёртый рюкзак цвета хаки, чувствуя себя пришельцем с другой планеты. Девушка оказалась программистом — тихой, увлечённой, почти рас-

творившейся в своём ноутбуке. Она открыла дверь, быстро представилась (имя я запомнил с трудом — мозг отказывался переваривать новую информацию), и снова уткнулась в экран.

— Ты устал, — сказала она, и это был не вопрос, а констатация. — Располагайся.

Она надула большой надувной матрас в углу гостиной, подала пиццу — горячую, с тянущимся сыром, ароматом колбасы и чего-то непривычно острого. Я пытался протянуть ей деньги за ужин, предлагал выйти прогуляться, заказать что-то вместе — может, в том баре на углу, где горела неоновая вывеска. Но она лишь махнула рукой, не отрываясь от кода.

— Ты мой гость, — твердила она с лёгкой улыбкой. — Гости не платят. И не гуляют, когда устали.

Она не понимала, что я не устал. Что я боюсь остаться один на один с этим городом, который гудит за окном, как рассекающий мир. Что мне нужен человек рядом, хоть кто-то, кто скажет: «Смотри, вот это — Нью-Йорк. Ты здесь. Это реально». Но она, погружённая в цифровой мир своих алгоритмов, оставила меня с моим матрасом и пиццей. Я лёг, глядя в потолок, и слушал, как за окном Сорок Второй улицы не замирает ни на секунду вечерний хор.

А утром город захватил меня окончательно.

Первые шаги по центру Манхэттена — это наркоз. Толпы людей, которые несутся куда-то с такой уверенностью, словно знают тайну бытия. Жёлтые такси, визжащие тормозами,

проносящиеся в щелях между грузовиками. Сирены, музыка из дверей ресторанов, запахи — жареные орехи, кофе, выхлопные газы, пот, духи, еда с уличных лотков, всё смешанное в один головокружительный коктейль. Я шёл, забыв дышать, и чувствовал, как город вбирает меня в свой ритм, заставляет сердце биться чаще.

Централ-парк оказался чудом геометрии — огромный прямоугольный оазис, вырезанный ножницами из каменных джунглей. Я вошёл с южной стороны, и передо мной раскинулся зелёный мир, который не подчинялся городскому хаосу. Деревья стояли стройными рядами, клумбы цвели с такой тщательностью, словно каждый цветок был расставлен по указанию великого дирижёра. По аллеям ездили извозчики на лошадях — их копыта стучали по асфальту сказочным, нереальным эхом. А за спиной, сквозь листву, виднелись небоскрёбы. Один из них выделялся особенно — Empire State Building, уходящий в облака стальной стрелой, словно мост между землёй и небом. Я сидел на скамейке, и мне казалось, что я попал в фильм. Только вот сценарий ещё не написан, и главную роль играю я сам, не зная реплик.

Я дошёл до мемориала башен-близнецов. Это место требует иной тишины — не той, что в парке, а другой, траурной. Два огромных квадратных водопада, уходящих в чёрную бездну, имена по периметру, шёпот посетителей, фотографии на стенах. Я стоял, глядя на бесконечно падающую воду, и думал о том, что этот город знает боль, как и любой

другой. Просто он умеет её скрывать за фасадами стекла и стали, за вечным движением, за криками уличных торговцев. Я прижал ладонь к холодному мрамору и почувствовал странную связь — с теми, кто был здесь до меня, с теми, кто придёт после. С теми, кто искал новую жизнь, как и я.

Вечерами я возвращался к хосту, где девушка-программист всё так же сидела в ноутбуке, и я тихо выходил на балкон, смотрел на огни. Потихоньку начал рассылать резюме, звонить знакомым знакомых, листать объявления о работе. Руки так и тянулись набрать Бесику — мол, вот я здесь, когда ехать в Техас? Но я останавливал себя. Пока нет. Пока рано. Если что-то пойдёт не так — а вдруг работы нет, вдруг обманули, вдруг я не справлюсь? — из Техаса обратно в Москву добираться дольше, сложнее, дороже. Нью-Йорк, по крайней мере, давал простор для манёвра. Здесь я мог попробовать, ошибиться, передохнуть и попробовать снова. Здесь я был никем, но при этом — свободен.

И каждое утро, выходя на улицу, я снова нырял в этот круговорот. Вдыхал его запахи, терялся в его толпах, учился его скорости. Столица мира не обещала мне ничего, но уже давала всё — шанс начать с чистого листа, написать историю заново, без привычных пометок на полях.

Глава четвёртая. Якорь

Нью-Йорк учит быстро — либо ты адаптируешься за дни, либо тебя выплёвывает обратно в океан. Я уже научился спать на надувном матрасе под чужим потолком, научился не просыпаться от сирен на Сорок Второй улице, научился проглатывать пиццу за пиццей, потому что готовить в чужой квартире — это всегда акт вторжения. Но спать на чужом балконе, курить чужие сигареты и смотреть на чужие огни — удовольствие на износ. Нужно было двигаться дальше.

Работа нашлась через цепочку совпадений, которые в Москве я бы назвал случайностью, а здесь — нетворкингом. Знакомые знакомых, русские ребята, которые делали дизайн и ремонт — красивые квартиры для богатых клиентов, где всё должно быть идеально, от угла плинтуса до оттенка краски. Они искали «хелпера» — человека, который таскает, держит, подаёт, учится. Опыт не требовался, только спина, руки и желание заработать. Я подошёл идеально. Пятнадцать долларов в час, наличными, под стол. Первая зарплата пахла потом и строительной пылью, но это были мои первые американские деньги, и я долго смотрел на них, прежде чем спрятать в потёртый рюкзак.

Следующий рубеж — жильё. Знакомые сказали искать на «Craigslist. Наш Авито, только без всего лишнего». Я зашёл в интернет-кафе на Бродвее, где за доллар в час можно бы-

ло сидеть за компьютером, пить кофе из стаканчика и делать вид, что ты не бомж. Сайт оказался лаконичным до аскезы — чёрный текст на белом фоне, фотографии, сделанные на телефоны ещё до появления хороших камер, цены, которые заставляли сердце сжиматься. Пятьсот долларов — и это дно, это подвал в Бронксе, это комната без окон, это диван на кухне у семьи из семи человек. Я листал, листал, листал, и уже начал думать, что надувной матрас на Сорок Второй — это не так уж плохо, когда наткнулся на объявление: «Комната в Куинсе, \$450, всё включено, сразу, без депозита». Фотография показывала половину гостиной, отгороженную ширмой, и оранжевый диван, на котором кто-то уже успел оставить вмятину. Я позвонил.

Майя открыла дверь с первого звонка. Женщина лет пятидесяти, с лицом, которое никогда не было молодым по-американски — слишком много солнца, слишком много забот, слишком много жизни, прожитой в другом месте. Она говорила по-английски с акцентом, который я не мог определить — что-то среднее между восточным и советским, словно два языка боролись в её горле за право быть первым. Позже я узнал: она из Узбекистана, учитель английского, выиграла грин-карту в лотерею несколько лет назад. Оставила там большой дом, сад, всё нажитое непосильным трудом, и приехала сюда, в трехкомнатную квартиру на третьем этаже, где зимой дует из окон, а летом кухня превращается в сауну. Но она говорила об этом без горечи — просто констатировала

факты, как человек, который давно сделал свой выбор и не собирается его переосмысливать.

— Мы иранцы, — сказала она, когда я переступил порог, и я кивнул, не понимая смысла, но уловив интонацию — это было важно для неё, это было частью истории, которую она рассказывала себе каждое утро в зеркало.

В квартире, кроме Майи, жили её дети. Сын Джама — добродушный парень лет тридцати пяти, с вечной улыбкой на лице и запахом дешёвого одеколона, который он, видимо, покупал оптом. Он развёлся с женой в Узбекистане, оставив её с детьми в том самом большом доме, и приехал к матери, потому что «там больше нечего делать, брат, понимаешь?» Я понимал. Лучше, чем хотел бы. Дочь — тихая, с вечной книгой в руках, имя я запомнил с трудом, потому что она почти не говорила, и я не знал, как к ней обращаться, кроме как «извините».

Мне показали мой угол. Ширма, оранжевый диван, торшер с перегоревшей лампочкой, которую никто не менял, потому что «ещё светит, зачем трогать?» Майя объяснила правила: кухня общая, но готовит она; ванная — по утрам в порядке очереди; стиральная машина в подвале, монетки на электричество; гости — только днём и только в комнате; музыка в наушниках; алкоголь — лучше вообще не видеть, потому что Джама «любит компанию, если понимаешь, о чём я». Я понимал. Договорились об оплате — четыреста пятьдесят, первое числа, наличными, без расписок, по-человече-

ски. Я достал деньги, пересчитал, протянул. Майя пересчитала ещё раз, кивнула, спрятала в карман халата.

— Бросай якорь, — сказала она, и я не понял, пока не увидел, как она смотрит на мой рюкзак, всё ещё стоящий у двери. — Здесь ты дома. Не на Сорок Второй, не в аэропорту. Здесь.

Я обустроился на оранжевом диване, положил под голову свёрнутую футболку, и лёг. Потолок был таким же, как везде — белый, с трещинкой в углу, похожей на реку на карте. Но что-то было иначе. Шум за окном — не манхэттенский гул, а куинсовский ритм: дети на площадке, мама, ругающаяся на них на двух языках, грохот метро где-то вдалеке, собака, которая лает каждый раз, когда проходит почтальон. Жизнь, которая не притворяется. Я закрыл глаза и впервые за долгое время уснул без таблеток, без пива, без наушников в ушах.

Но пока я стелил своё временное гнездо в Куинсе, в Москве оставалась незаконченная жизнь. Работа, отпуск которого давно кончился. Проект по фирменному стилю для торгового центра, который я вёл, который был завязан на мне полностью — мои контакты, мои наработки, мои отношения с клиентом. HR-менеджер, которая, видимо, уже начинала нервничать, потому что я не выходил на связь.

Я написал ей письмо. Длинное, с объяснениями, с извинениями, с просьбой уволить меня удалённо, «красиво», без статей, без претензий. Чтобы трудовая осталась чистой, чтобы можно было вернуться, если что, и не краснеть перед но-

вым работодателем.

Она ответила быстро. Сухо. «Понимаю вашу ситуацию, но отсутствие на рабочем месте без уважительной причины — это статья. Увольняем по соответствующему пункту».

Я сидел в интернет-кафе, и у меня закружилась голова. Статья. В трудовой книжке. Чёрная метка. Всё, что я строил годами — репутация, карьера, возможность когда-нибудь вернуться — всё это могло рухнуть из-за бюрократической формулировки, которую я не заслужил. Я не бросил работу. Я работал. Я просто работал в другом месте, в другой стране, потому что иначе не мог.

Я написал ей ещё раз. Не умолял — это не мой стиль. Объяснил. Что проект висит на мне. Что без меня клиент уйдёт. Что у меня есть все исходники, все контакты, все наработки. Что я готов довести его до конца удалённо, бесплатно, в свободное время, если нужно — но только если они идут мне навстречу. Рычаг давления. Грязный, неприятный, но единственный, который у меня был.

Следующие два дня я не спал. Я сидел с ноутбуком на коленях, работая через удалённый доступ, пересылая файлы, созваниваясь с коллегами в неприличное для Нью-Йорка время, потому что в Москве уже утро. Я рисовал логотипы, правил шрифты, согласовывал цвета, словно никуда не уезжал, словно всё это временная командировка, после которой я вернусь за свой стол, и кто-то пошутит про мой загар.

Они пошли навстречу. Не потому что хорошие — потому

что выгодно. Проект был сдан, клиент заплатил, я получил бумагу об увольнении «по собственному желанию», датированную задним числом, с нужными подписями и печатями. HR-менеджер больше не отвечала на мои письма. Коллеги, с которыми я когда-то обедал и спорил о кино, исчезли из соцсетей. Но трудовая была чистой. И этого было достаточно.

Вечером того дня, когда я получил скан документа, я вышел на куинсовскую улицу и долго шёл никуда. Мимо магазинов с вывесками на трёх языках, мимо детей, которые играли в футбол, мимо стариков, сидящих на лавочках и обсуждающих политику стран, которых уже не существует. Я шёл, и вдруг понял: я бросил якорь. Не тот, который держит корабль на месте, — тот, который цепляется за дно, когда течение слишком сильное. Я цеплялся за работу, за статус, за чистую трудовую, за возможность вернуться. А теперь якорь был на дне, цепь натянулась, и корабль остановился. Не потому что буря кончилась. Просто я решил, что здесь — моё дно. Здесь — моё место.

Я вернулся к Майе, к Джаме, к дочери с книгой, к оранжевому дивану. Лёг, закрыл глаза, слушал, как метро где-то вдалеке гремит по рельсам. Завтра снова стройка, снова пятнадцать долларов в час, снова пот и пыль. Но сегодня — сегодня я мог спать. Потому что якорь брошен. Потому что я больше не плыву. Я стою.

Глава пятая. Первая работа в США

Стройка не начинается с молотка. Она начинается с мусорных пакетов, с лестницы, с которой ты спускаешься вниз по ступенькам, считая их, потому что иначе мозг откажется верить, что это реально происходит. Семь комнат. Три этажа. Квартира напротив Централ-парка, где я ещё недавно сидел на скамейке и чувствовал себя героем фильма. Теперь я стоял в подъезде с пакетом штукатурки на плече, и фильм был совсем другой.

Богдан пришёл первым. Украинец, лет тридцати, с лицом человека, который всё видел и всему удивляться перестал. Английский у него был почти идеальный — не американский, а такой, какой бывает у тех, кто выучил язык по сериалам и годам работы с клиентами, которые кричат и жестикулируют. Он мог объяснить что угодно, договориться о чём угодно, перевести самую запутанную инструкцию. Но он делал это медленно. Очень медленно. Сначала слушал, потом думал, потом задавал уточняющие вопросы, потом ещё раз уточнял, потом, наконец, начинал действовать — и к этому моменту полдня прошло.

— Ты чего так тормозишь? — кричал на него прораб, коренастый грузин по имени Гиви, который сам не знал английского, но умел кричать на всех языках мира. — Я тебе говорю — пять минут назад! Пять!

Богдан кивал, не спеша поднимался, не спеша шёл к инструментам, не спеша начинал работать. Я смотрел на него и понимал: он не ленивый. Он просто знает цену своему труду. Он знает, что за семьдесят долларов в день спешить незачем. Что заменят — заменят. Что не заменят — значит, и так сойдёт. Это была его защита, его способ не сойти с ума от несправедливости. Но прорабы этого не понимали. Они видели только то, что он «тормозит», «долбит», «мозги парит». И ненавидели его за это. Не явно — никто не бил, не орал прямо в лицо. Но в обеденный перерыв, когда все сидели на корточках с бутербродами, Богдана не звали в разговор. Его имя произносили с придыханием, с оттенком чего-то среднего между жалостью и презрением.

Мы были разношёрстная бригада. Узбеки — молчаливые, мускулистые, работавшие, как роботы, без пауз, без вопросов, получавшие деньги и исчезающие вечером в неизвестном направлении. Грузины — громкие, вечно спорящие друг с другом о политике, о футболе, о том, кто из них сильнее. Русские — я и ещё парень из Питера, который проработал на стройках пять лет и смотрел на меня свысока, потому что я не знал, как держать шуруповёрт.

Семьдесят долларов в день. Семь часов работы, если повезёт — восемь. Выходит чуть больше девяти долларов в час. В Нью-Йорке, где чашка кофе стоит пять. Где метро — два семьдесят пять. Где аренда моего оранжевого дивана съедает почти всё. Но это были деньги, и они были мои, и я получал

их наличными в конце каждого дня — мятые купюры, которые пахли потом и чем-то ещё, чего я не мог определить. Свободой, может быть. Или отчаянием.

Я всю жизнь работал за компьютером. Красивые офисы, кофе из автоматов, переговоры о шрифтах. Мои руки были белыми, мягкими, привыкшими к клавиатуре. Теперь они держали штукатурный шпатель, который я учился держать, как держат ложку — неудобно, неправильно, так, что штукатурка разлеталась во все стороны, кроме нужной. Гиви подходил, молча брал шпатель из моих рук, показывал, как надо, отдавал обратно. Я повторял. Он качал головой. Я повторял ещё раз. Он уходил, бормоча что-то по-грузински, из чего я улавливал только интонацию — смесь усталости и снисхождения.

Мы выносили мусор. Много мусора. Старые обои, которые весили, как мокрые одеяла, и от которых чихались лёгкие. Штукатурку, которая осыпалась, попадая в глаза, забиваясь под ногти, превращая руки в сухую, трещиноватую землю. Доски со гвоздями, которые царапали ладони, хоть я и надевал перчатки — дешёвые, из хозяйственного магазина, которые рвались на второй день. Мы таскали это всё вниз, по лестнице, в подвал, потом на улицу, к мусорному баку, потом ещё раз, и ещё, пока спина не превращалась в горящий столб, а ноги — в ватные палки, которые едва держат равновесие.

Объект принадлежал сыну мафиози. Так сказал Гиви, ко-

гда мы первый день стояли на тротуаре, глядя вверх на окна, за которыми мелькали силуэты рабочих.

— Итальянец, — пояснил он, закуривая. — Сицилия. Там сидит, тут недвижимость держит. Сдаёт, не сдаёт — ему по барабану. Деньги идут, всё окей.

Я смотрел на элегантный фасад, на чистые стёкла, на входную дверь с позолоченной фурнитурой, и думал о том, что в Москве я бы назвал это «связями», «крышей», «серой зоной». Здесь это называлось иначе — «real estate», «family business», «old money». Итальянская мафия в Нью-Йорке — не кино, не «Крёстный отец». Это дяди в дорогих костюмах, которые приезжают раз в месяц на чёрных машинах, заходят на пять минут, кивают, уезжают. Это стройки, которые никто не проверяет, потому что «сверху договорились». Это мусорные баки, которые опустошаются в определённое время определёнными людьми, получающими определённый процент. Гиви говорил об этом спокойно, как о погоде. Для него это была данность, часть ландшафта, как Централ-парк напротив или небоскрёбы за спиной.

— Многие уехали домой, — сказал он, выдыхая дым. — Но дома остались. Квартиры, рестораны, стройки. Они тут давно. Мы — нет. Мы — новые. Мы — никто.

Рабочий день кончился в четыре. Теоретически. На практике — когда Гиви скажет «всё, домой», и не раньше. Иногда это было три, иногда — пять, когда клиент торопил, когда нужно было закончить комнату к приезду «дяди». Но обыч-

но — четыре. И мы выходили на улицу, еле живые, грязные, в одежде, которая уже не отмывалась, с запахом строительной пыли, въевшимся в поры.

Первая неделя я шёл прямо домой — в Куинс, в вагон метро, где люди морщились, отодвигались, потому что я пах. Потом Богдан сказал:

— Пойдём. Пять минут.

Мы садились на лавочку у входа в Централ-парк. Ту самую, где я сидел в первый день, чувствуя себя туристом. Теперь я сидел на ней по-другому — развалившись, вытянув ноги, закинув голову назад, глядя в кроны деревьев, которые казались бесконечно высокими. Богдан молчал. Я молчал. Узбеки, если они были с нами, тоже молчали — только курили, глядя куда-то вдаль, на детей, на бегунов, на тех, кто гулял по парку в чистой одежде, не зная, что такое семь часов с мусорными пакетами.

У меня болела каждая фаланга. Каждый сустав пальцев, каждая мышца предплечья, спина, ноги, шея. Боль была не острой, а такой — тупой, всёпроникающей, как шум в ушах после взрыва. Я смотрел на свои руки — они были в ссадинах, в мозолях, в трещинах, которые не заживали, потому что на следующий день снова штукатурка, снова гвозди, снова вес. Я не мог сжать кулак до конца. Не мог повернуть запястье без скрипа. И в то же время — я чувствовал что-то странное. Гордость? Нет, слишком громко. Скорее — удивление. Я делал это. Я выживал. Я, который не знал, как дер-

жать шпатель, таскал мешки, которые весили половину меня, и не падал.

Но прорабы не любили удивлённых. Они любили эффективность.

— Ты! — кричал Гиви, замечая, как я иду из одной комнаты в другую без груза. — Куда идёшь? Пустой? Зачем пустой ходишь? Ты думаешь, тут тебе прогулки?

Я замирал. Правда, зачем я шёл пустой? Просто перенести инструмент. Просто спросить, что делать дальше. Просто отдохнуть на пять секунд, пока никто не видит.

— Желающих полно, — продолжал он, не повышая голоса, но делая каждое слово тяжёлым, как молот. — Полно, понял? Стоят у ворот. Ты не нравишься — завтра другой. Без разговоров. Без объяснений. Деньги — и до свидания.

Я кивал. Молча возвращался. Брал следующий мешок, следующую доску, следующий пакет. И шёл, уже не пустой, уже не «неэффективный», уже не лишний человек в цепочке, которую можно выбросить и заменить новым звеном.

Богдан смотрел на это со стороны. Он не кивал, не спорил, не торопился. Он просто делал свою работу — медленно, неохотно, но делал. И когда Гиви орал на него, он слушал, как слушают радио в другой комнате — звук есть, но смысла не ловишь.

— Ты не слушай, — сказал он мне однажды на лавочке, когда я слишком долго смотрел на свои руки. — Они всегда так. Завтра опять полно, опять желающих. А послезавтра —

никого нет, и они сами просят. Цикл.

— А ты не боишься? — спросил я.

Он пожал плечами, закурил.

— Чего бояться? Я здесь пять лет. Уже не первый Гиви. Будет ещё десять. Я знаю, что я умею. Они — нет. Они знают только кричать.

Я смотрел на него и думал: вот она, разница. Он знает, что он умеет. А я ещё не знаю. Я учусь. И учусь не только держать шпатель — учусь держать себя, когда кричат, когда болят руки, когда кажется, что вот-вот упадёшь и не поднимешься.

Вечером, в вагоне метро, я засыпал стоя. Просыпался на станции, которую не узнавал, выходил, разбирался, где я, возвращался обратно. Майя оставляла мне на столе тарелку — холодную, потому что я приходил поздно. Джама иногда сидел со мной, рассказывал о своей бывшей жене, о детях, которых не видел год, о том, как он хочет открыть свой бизнес — «небольшой, магазинчик, может, ремонт телефонов». Я слушал, кивал, не в силах вставить слово. Потом шёл к своему дивану, падал на него лицом вниз, и проваливался в сон без снов, без кошмаров, без всего — просто чёрная яма, из которой меня вытаскивал будильник в шесть утра.

И снова — мусорные пакеты. Снова — лестница. Снова — Гиви, который кричит, что желающих полно. Снова — лавочка в Централ-парке, где я сижу, не в силах пошевелиться, и смотрю, как солнце садится за небоскрёбы, делая их золотыми.

Я был на дне. Но дно — это тоже точка опоры. С него можно толкнуться. И я толкался. Каждый день, каждый мешок, каждая фаланга, которая болела, но держалась. Потому что желающих полно. Потому что я не хотел быть одним из тех, кто стоит у ворот, надеясь, что его выберут. Я хот быть тем, кого не заменят. Не потому что дешевле. Потому что нужнее.

И это было моё первое американское обещание — данное не кому-то, а себе. В шесть утра, в вагоне метро, в зеркале в ванной Майи, где я смотрел на своё лицо — худое, с тёмными кругами, но с глазами, которые не отводил в сторону.

Глава шестая. Денис из Горловки

Квартира Майи была трёхкомнатная — редкое изобилие для Нью-Йорка, где люди часто спят в шкафах и на кухонных полках. Но это изобилие было условным: комнаты были маленькие, стены тонкие, и каждый метр был сдан, приспособлен, поделён. Майя со своей дочерью занимали одну комнату. Джама — другую, где его храп был таким громким, что слышался сквозь закрытую дверь. А третья — гостиная, которая уже давно перестала быть гостиной и превратилась в общежитие для тех, кто приезжал и уезжал, кто бросал якорь на несколько недель или месяцев, пока не найдёт своё место в этом городе.

Майя объявила об этом за ужином, не поднимая глаз от тарелки — как будто речь шла о новом ковре, а не о человеке, который будет жить в метре от моей головы.

— Денис. Из Украины. Горловка. Сестра у него тут. Будет в гостиной. Ты — на своём диване. Он — на другом. Делите комнату.

Я посмотрел на свой оранжевый диван. Потом на второй — зелёный, с потертыми подлокотниками, который стоял у противоположной стены и до сих пор служил подставкой для чужих сумок и ненужных подушек. Он не стал удобнее от этих слов.

Денис появился вечером. Невысокий, крепкий, с лицом,

которое сразу выдавало человека, привыкшего улыбаться в неподходящих ситуациях. Улыбка эта была не радостная — скорее, выжидательная, такая, какой улыбаются те, кто много видел и решил, что лучший способ выжить — притвориться, что всё это комедия.

— Денис П., — представился он, протягивая руку. — Горловка. Знаешь?

Я знал. Горловка — это Донбасс, это 2014, это город, который оказался на линии, которую нарисовали на карте люди, которые никогда там не жили.

— Я оттуда уехал до всего этого, — сказал он, как будто прочитал мои мысли. — Сестра вызвала. Говорит — приезжай, тут нормально. А я думал — чем заниматься? В Горловке работал на заводе, потом в такси. Тут — всё другое.

Мы распределили комнату. Я — у окна, на оранжевом диване, который уже знал мою спину, мои сны, мои ночные повороты. Он — у двери, на зелёном, который скрипел при каждом движении и пах пылью чужих квартир. Между нами — два метра пола, ковёр с неопределённым узором, и торшер, который не работал, потому что «ещё светит днём, зачем трогать?»

Денис работал у поляка — ювелирная мастерская где-то в Манхэттене, подвальное помещение, где пахло горелым металлом и где стояли станки для гравировки и 3D-принтеры, печатающие формы для колец и подвесок. Он рассказывал об этом снисходя, как человек, который ещё не решил, впе-

чатлен он сам собой или разочарован.

— Поляк — нормальный. Платит, не орёт. Но работа — такая, знаешь, мелкая. Сидишь, смотришь, как машина капает пластиком. Часы идут, а ты — никуда.

Мы быстро нашли общий язык. Не потому что оба из бывшего СССР — нет, это было глубже. Мы оба были авантюристами любителями, людьми, которые собирали чемоданы, не зная точно, зачем. Он уехал из Горловки, потому что сестра позвала. Я — из Москвы, потому что голос в трубке сказал «Техас, работа, сто-двести баксов». Мы оба оказались в Куинсе, в одной комнате, на разных диванах, и этого было достаточно основанием для дружбы, которую в других обстоятельствах выстраивали годами.

Мы гуляли по Куинсу. Он показывал мне места, где снимали «Людей в чёрных» — обычные улицы, которые в фильме выглядели иначе, чем в жизни. Мы фотографировали самолёты, взлетающие из аэропорта Ла-Гардия, — низко, громко, так, что кажется, можно дотянуться до шасси. Стояли на набережной, и Денис кричал им вслед что-то по-русски — то ли прощание, то ли вызов.

— Смотри, — говорил он, указывая на самолёт, который набирал высоту над водой. — Каждый из них — кто-то улетает. Кто-то прилетает. А мы — стоим. Пока стоим.

Нам нужны были деньги. Семьдесят в день на стройке — это выживание, но не жизнь. Мы начали листать Craigslist вместе, уже не в интернет-кафе, а на телефоне Дениса, кото-

рый он купил у какого-то корейца за сто долларов и который работал, только если держать под определённым углом.

— Смотри, — сказал он однажды. — Handyman. Муж на час. Но по-американски.

Заявки были разные. «Перенести диван с третьего этажа». «Помыть окна в частном доме». «Повесить три картины, бетонная стена, свой дрель». «Установить кондиционер, 500 BTU, окно». Мелочь, которую американцы не хотели делать сами или за которую не хотели платить профессионалам. Мы брали всё. Договаривались по телефону — Денис говорил, я молчал рядом, потому что мой английский ещё не тянул переговоры. Приезжали на такси или метро, работали вдвоём, делили пополам.

Первый заказ — картины в Бруклине. Женщина лет шестидесяти, с десятком кошек, которые путались под ногами, пока мы сверлили бетон. Она приносила нам лимонад в стаканчиках из-под йогурта и рассказывала, что муж умер, дети в Калифорнии, и она не знает, как держать дрель. Мы повесили картины — пейзажи, которые она, видимо, купила ещё в семидесятых, — и она заплатила сорок долларов, плюс чаевые пять, плюс лимонад, который мы выпили на лестнице, потому что в квартире пахло кошками и одиночеством.

— Неплохо, — сказал Денис, считая деньги на улице. — Два часа. Сорок пять. Это уже не стройка.

Мы делали всё. Мыли окна в домах, где хозяева смотрели на нас через занавески, как на экзотических зверей. Пере-

таскивали мебель, которая не пролезала в двери, и учились разбирать диваны на части, а потом собирать обратно. Установливали кондиционеры, которые выпадали из окон, пока мы не поняли, что нужны специальные кронштейны, которые мы купили в Home Depot на общие деньги и возили с собой, как артиллерию.

Но не только работа нас связывала. Мы гуляли по Нью-Йорку, как туристы, которым не нужно спешить в отель. Метрополитен-музей — Денис нашёл его в интернете, прочитал, что «один из самых больших в мире», и мы решили проверить. Вошли через большие ступени, заплатили пожертвование — сколько дашь, я дал пять долларов, чувствуя себя жуликом, потому что билет должен стоить больше. И оказались внутри — в мире, который не уместился в голове. Египетские храмы, перевезённые камень за камнем. Рыцарские доспехи, в которые можно было бы спрятаться вместе. Картины, перед которыми стояли люди с закрытыми глазами, как будто молились.

— Дня не хватит, — сказал Денис, глядя на план этажей. — Недели не хватит.

Мы ходили до закрытия, не успев и трети. Выходили на улицу, ослеплённые светом, и молчали по дороге в метро — каждый переваривая своё.

Взяли с собой Джаму. Он болтался дома, не работал, смотрел сериалы на узбекском и ждал, когда мама приготовит ужин. Мы сказали — пойдём, покажем музей. Он пошёл, но

быстро устал, сел в египетском зале на каменную скамью и уснул, пока мы бродили по залам. Потом проснулся, сказал, что голоден, и мы ушли в кафе, так и не дойдя до импрессионистов.

Но больше всего нам нравился Бруклин. Не тот, который показывают в фильмах — с мостом и закатами. Наш Бруклин — улицы с коричневыми каменными домами, где каждый кирпич помнит века. Дорогие районы, где машины стоят чище, чем мы после стройки, и где иногда, если повезёт, на крыльце лежат книги.

— Смотри, — сказал Денис, поднимая со ступеней том в мягкой обложке.

Это была культура, которую я не понял сначала. Люди читают книги и выставляют их на крыльцо — для прохожих. Берите, кому нужно. Без денег, без вопросов, без спасибо. Мы собирали их, как дети собирают грибы — каждый новый экземпляр вызывал радость открытия. Потом Денис показал мне приложение Amazon — сканер, который определяет цену книги по штрих-коду или обложке.

— Смотри, — сказал он, наводя камеру на том Стефана Кинга. — Эта — три доллара. А эта — тридцать.

Мы сортировали. Те, что стоили копейки, оставляли или относили обратно на крыльцо. Те, что имели цену, забирали. У Дениса был аккаунт селлера на Amazon — оформленный на сестру, потому что сам он ещё не имел права. Мы отправляли книги на склад, ждали продажи, получали по де-

сять-пятнадцать долларов за экземпляр, минус комиссия.

— Это не дело, — говорил Денис, укладывая книги в коробку из-под бананов, которую мы нашли за магазином. — Это — побочка. Но побочка лучше, чем ничего.

Мы гуляли по этим улицам часами. Иногда с книгами в руках, иногда без. Смотрели на дома, на людей, на жизнь, которая текла мимо — спокойная, ухоженная, не наша. Мы были призраками в этом театре, зрителями, которые платили за билет своим присутствием, но не участием.

Однажды вечером, на крыльце красивого дома с витражным окном, мы нашли книгу на русском языке. «Мастер и Маргарита». Потёртая, с карандашными пометками на полях. Я открыл на случайной странице и прочитал: «Рукописи не горят». Закрыв. Положил в рюкзак — не для продажи, а для себя.

— Читаешь? — спросил Денис.

— Буду, — сказал я. — Когда научусь сидеть спокойно.

Мы возвращались в Куинс поздно. Метро, пересадки, пустые вагоны, в которых спали рабочие в оранжевых жилетах. Выходили на нашей станции, шли мимо закрытых магазинов, мимо мусорных баков, мимо жизни, которая не спала, но притворялась. И ложились каждый на свой диван — я на оранжевый, он на зелёный — и шептались в темноте, пока не засыпали.

О чём шептались? О Горловке, о Москве, о том, что будет завтра. О сестре Дениса, которая вышла замуж за американ-

да и теперь не понимает, зачем он таскает мебель за копейки. О моих мальчишках, которым я звонил раз в неделю и слышал, как они растут, не замечая моего отсутствия. О книгах, которые мы не продали. О самолётах над Ла-Гуардией, которые улетали, а мы — нет. Пока нет.

Иногда, в полусне, я слышал, как Денис ворочается на своём зелёном диване, шепчет что-то на украинском — может быть, молитву, может быть, ругательство. А потом тишина. И снова шесть утра. Снова стройка, снова handyman, снова крыльца с книгами, снова взлетающие самолёты.

Мы были два авантюриста на разных диванах в одной комнате. И этого было достаточно, чтобы не чувствовать себя одиноким в городе, который поглощает одиночек, не замечая вкуса.

Глава седьмая. Богдан

Богдан был из тех людей, кого невозможно не заметить и невозможно понять. Он двигался по миру с собственной скоростью — не потому что не мог быстрее, а потому что не видел причин. Всё остальное мир как-то подстраивал под него: прорабы кричали, но терпели; коллеги ворчали, но ждали; я смотрел и учился — не тому, как надо, а тому, как можно.

Он был украинец из какого-то провинциального города, которое я ни разу не запомнил, потому что Богдан никогда о нём не говорил. Не потому что скрывал — просто не считал важным. «Там — там, — махал он рукой, когда я спрашивал. — Тут — тут. Зачем мешать?»

Мы познакомились ближе после первой недели на стройке. Не на лавочке в Централ-парке, где он сидел с узбеками, а в Старбаксе — том самом, что стоял на углу у нашего объекта, где бариста знала его в лицо и никогда не улыбалась.

Старбакс в Нью-Йорке — это не тот Старбакс, который я видел в Москве, где девушки в шубах сидят за макбуками и фотографируют латте с розовой пеной. Здесь это была просто кофейня — грязная, шумная, с липкими столами и бомжами, которые спали в креслах у окна, пока менеджер не выгонял их, а потом они возвращались, потому что куда им ещё идти. Здесь не было глянца. Был запах подогретого молока, вечный гул кондиционера и ощущение, что все пришли не

за атмосферой, а за кофеином — чистым, беспристрастным, как аспирин.

Богдан заходил туда со своей кружкой. Не купленной в Старбаксе — обычной, потёртой, с каким-то выцветшим логотипом, который я не узнавал. Он оборачивал её бумажным полотенцем, подходил к столику с молоком — тем, что стоял для клиентов, рядом с сахаром и корицей, — и наливал полную кружку. Потом садился в углу, доставал из кармана бутерброд, завернутый в фольгу, и ел, запивая молоком.

— Ты серьёзно? — спросил я, когда увидел это в первый раз.

Он посмотрел на меня, медленно жуя.

— Чего серьёзно? Молоко бесплатное. Кружка моя. Бумага — из туалета. Где тут серьёзно?

— Ну, это же...

— Это же что? — он пожал плечами. — Я не ворую. Я использую. Если они не хотят, пусть уберут. А они не убирают. Значит, хотят.

Иногда он повторял трюк дважды, трижды — сидел часами, читал книгу, которую принёс с собой, подходил к молоку снова. Никто не гонял. Бариста смотрела сквозь него, как сквозь стекло. Может, ей было всё равно. Может, она сама понимала, что семьдесят долларов в день — это не жизнь, а выживание, и каждый выживает как может.

Богдан жил в подвале. Не метафорически — в буквальном, влажном, с окнами уровня с тротуаром, где прохожие

заглядывали внутрь, как в аквариум. Он снимал комнату за двести долларов в месяц — я не знал, как это возможно, пока не увидел. Потолок низкий, стены покрыты плесенью, которую хозяин красил зелёной краской каждый год, и она проступала снова, как старая татуировка. Кровать — раскладушка, купленная на барахолке за пятнадцать баксов. Шкаф — пластиковый контейнер из Home Depot. Холодильник — общий, на кухне, где жили ещё трое, и где каждый ставил на полочку свою еду с именной наклейкой, чтобы не спорить.

— Зачем тебе больше? — спрашивал он, когда я морщился, заходя к нему. — Спать — нормально. Готовить — можно. Душ — горячий. Что ещё нужно?

Он тратил деньги с хирургической точностью. Знал, где продаётся хлеб со скидкой после девяти вечера. Знал, какой супермаркет даёт купоны на мясо. Знал, что метро стоит два семьдесят пять, но автобус — два пятьдесят, и если ехать с пересадкой, выходит дешевле. Он вёл записи в маленьком блокноте — цифры, даты, суммы. Я видел разок: страница за страницей, аккуратный почерк, как у бухгалтера.

— Ты копишь? — спросил я.

— Коплю, — кивнул он, не глядя. — На что — пока не решил. Но когда решу — деньги будут.

Мы с Денисом тратились по-другому. Не расточительно — мы же тоже были на дне, — но без его фанатизма. Пицца по пятнице. Пиво, если удавалось найти дешёвое. Книги, которые мы не продавали, а оставляли себе. Богдан на это

смотрел с лёгким недоумением, не осуждая, но и не понимая.

— Вы как дети, — говорил он. — Игрушки покупаете. А потом — опять нет денег.

— А ты зачем тогда работаешь? — спрашивал Денис. — Если не тратишь, не живёшь — зачем?

Богдан думал. Это занимало время — он думал медленно, как делал всё остальное.

— Я работаю, чтобы не работать, — сказал он наконец. — Это временная работа. Временная — значит, не надо рвать жопу. Надо переждать. Потом — другое.

— Какое другое?

— Узнаю, когда придёт.

Он был уверен в этом с такой непоколебимостью, что спорить было бессмысленно. Богдан не был ленивым в привычном смысле — он просто не вкладывал туда, куда не верил. На стройке он делал ровно столько, сколько требовалось, чтобы не уволить. Не меньше — потому что тогда бы потерял доход. Не больше — потому что тогда бы потерял себя. Это была его экономика, и она работала.

Но однажды, поздно вечером, всё изменилось. Мы сидели на лавочке у Централ-парка — уже темно, прохладно, город затихал, но не засыпал. Богдан достал из кармана плоскую бутылку — что-то дешёвое, из местного ликёра, который пах резиной и сожалением. Мы пили по очереди, не говоря, просто смотря на огни небоскрёбов, которые казались далёки-

ми, как звёзды.

— Слушай, — сказал он вдруг, и в его голосе что-то изменилось — не былость, а что-то другое, почти детское. — Ты никому не скажешь?

— Что?

Он огляделся. Параноика в нём не было — была осторожность, привычка.

— Я тут... по ночам. Велосипеды.

— Что велосипеды?

— Беру. Ночью. Оставленные, не пристёгнутые. На Бруклине много таких. Люди ленивые, думают — никто не тронет. А я трону.

Я молчал. Денис, который сидел рядом, тоже замер.

— И что потом? — спросил я осторожно.

— Отправляю. В Одессу. Пароходом. Там парень есть, принимает. Продаёт. Делим.

Он говорил это спокойно, как рассказывал про молоко в Старбаксе. Без гордости, без стыда — просто факт, часть бюджета.

— Сколько? — спросил Денис.

— В месяц — тысяча, может, полторы. Дополнительно. Не постоянно. Иногда — ноль. Иногда — две.

— Ты шутишь? — я не знал, верить или нет. Богдан был достаточно странным, чтобы это было правдой, и достаточно хитрым, чтобы выдумать.

— Может, шучу, — пожал он плечами. — А может, нет.

Проверишь?

Он улыбнулся — той самой улыбкой, которую я видел в первый день, на стройке, когда Гиви кричал, а он стоял и кивал. Улыбкой человека, который знает что-то, чего не знаешь ты. Или который хочет, чтобы ты так думал.

Мы не поверили. Или почти не поверили. Но вечером, возвращаясь в Куинс, Денис сказал:

— А вдруг правда?

— Не может быть, — ответил я. — Пароходы? В Одессу? Это же...

— Что? — Денис посмотрел на меня. — Это же что? Мы тут мебель таскаем за копейки, а он — тысячу долларов на велосипедах. Кто из нас дурак?

Я не знал ответа. И не знал, хочу ли знать.

Богдан оставался Богданом. Утром он снова был медленным, снова задавал вопросы, снова сидел в Старбаксе с молоком, снова записывал цифры в блокнот. Но теперь, когда Гиви кричал на него, я смотрел иначе. Не с жалостью, не с раздражением — с любопытством. Что он думает в эти моменты? О чём молчит? О пароходах в Одессу? О тысяче долларов? О том, что скоро найдёт работу получше, и эта временная история закончится?

Или о том, что всё это — одна большая игра, в которой он делает вид, что играет по правилам, а на самом деле давно придумал свои?

Однажды я спросил его прямо:

— Богдан. Ты правда велосипеды воруюшь?

Он посмотрел на меня долго. Потом достал блокнот, открыл на чистой странице, написал что-то, оторвал листок, свернул в трубочку и протянул мне.

— Прочитаешь дома, — сказал он.

Я развернул в метро. Там было написано: «Если бы я воровал, я бы не сказал. Если бы не воровал, я бы тоже не сказал. Зачем тебе знать?»

Я засмеялся. Денис, глядя через плечо, тоже засмеялся. Это было гениально — ни подтверждения, ни опровержения, просто зеркало, в котором мы видели свою тупость.

— Он сумасшедший, — сказал Денис.

— Или гений, — добавил я.

— Это одно и то же.

Мы больше никогда не спрашивали. Но иногда, проходя мимо припаркованных велосипедов, я смотрел на замки. Хорошие, плохие, отсутствующие. И думал: а вдруг? А вдруг где-то в Одессе сейчас ездит парень на велосипеде из Бруклина, не зная, откуда он взялся? А вдруг Богдан на самом деле копит не на «что-нибудь», а на дом? На бизнес? На то, чтобы перестать быть «временным»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.